

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XXXVIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ БЪЛОЗОРЪ.

Повѣсть.

(Продолженіе.)

ГЛАВА V.

Les femmes ont l'humeur légère,
La nôtre doit s'y conformer;
Si c'est un bonheur de leur plaire,
C'est un malheur de les aimer.

Parny.

Викторъ проширалъ глаза, не вѣря самъ себѣ. „За что ей разсердишься?“ думалъ онъ. Кажется, она была равнодушна ко мнѣ, благосклонно слушала мои вздоры, и если меня не обмануло зрѣніе или самолюбіе — очень понятно отвѣчала на пыкіе взгляды. Конечно, поцѣлуй былъ неожиданный, но не похищенный силою — и, сколько могу припо-

мнишь, ея губки не убѣгали отъ моихъ. Теперь, или ранѣе обманулъ я?“

Волнуемъ сомнѣніями и страхомъ, что заслужилъ гнѣвъ своей любезной, Викторъ какъ подсудимый явился въ споловую; но онъ напрасно умоляющими взорами ловилъ взоры Жанны — она, какъ рпушь, убѣгала отъ встрѣчи. Злая дѣвушка съ гордою холодностію и съ видомъ обиженного достоинства уклонялась отъ разговоровъ, и когда виновный безмолвнымъ пономъ обращалъ къ ней вопросъ — по односложныя да или нѣтъ, словно иголки входили ему въ сердце. Въ первый разъ замѣнилъ онъ, что Гензіусъ несносенъ со своими распросами, какъ ведется въ Россіи Gros-buxъ? раздѣляютъ или соединяютъ въ одну шепрадь *credet* и *debet*? Венеціанскую или Амстердамскую методу предпочиншаютъ для счетовъ, и красными ли цифрами вписываютъ транспортъ? — у человека, который не зналъ пнаго транспорта, кромѣ срывающаго чепыре куша съ банкомѣта. Замѣнилъ, что шушки хозяина длиннѣе двухъ аршинъ съ четвершью, и что страхъ употребительныя разсужденія хозяйки о разницѣ, существующей между предохраненіемъ, охраненіемъ и сохраненіемъ пикулей — объ упадкѣ просвѣщенія, что ясно доказывается введеніемъ сапоговъ, вмѣсто башмаковъ, съ пон-

кими подошвами — и наконецъ о размноженіи моли — вѣрнаго предвѣстника близкаго преспавленія свѣта. Между тѣмъ Жанни оспавалась неизмѣнно равнодушною — и тѣмъ сильнѣе кипѣлъ Викторъ. Раздраженный такимъ упорствомъ, онъ наконецъ убѣждалъ въ свою комнату, съ твердымъ намѣреніемъ не выходить изъ нее ни къ чаю, ни къ ужину.

„Это ни на что не похоже,“ говорилъ онъ самъ съ собою, опмѣривая саженные шаги по паркету: „такъ молода, и такъ упряма! — Что я говорю, упряма? такъ причудлива, такъ зла! — Хорошо, что она выказала себя сначала, а то, чего добраго, пожалуй, влюбился бы въ нее по уши, которыя не спали бы опъ того короче!“ Тупъ онъ вздохнулъ, вспомни, какое маленькое у нее ушко — опъ ушка далѣе и далѣе; наконецъ онъ сѣлъ, какъ будто желая разсмотрѣть образъ, носящійся передъ его глазами.

„Да, да, — это правда, она хороша, — слова нѣтъ, что хороша,“ проговаривалъ онъ, будто нехотя: „сложена — чудо! умна какъ день, — но за то ужъ зла, какъ мѣдьяница, какъ змѣя съ погремушками... я поздравляю себя, что разлюбилъ ее, что равнодушенъ, нѣтъ, мало равнодушія, что ненавижу ее — слуга покорный, мамзель Жанни, — вы можете плѣнять теперъ на свободѣ этого журав-

ля — Гензіуса, я, право, самъ умѣю плапнуть леденцами за леденцы.“ —

Урочный часъ пробилъ, и откормленный слуга явился въ дверяхъ. „Самоваръ поданъ!“ возгласилъ онъ однозвучно.

Викторъ глядѣлъ на него, расширивъ глаза, какъ будто слуга произнесъ что-то на Санскритскомъ нарѣчїи.

„Пожалуйте кушать чаю!“ сказалъ въспникъ.

„Кушать чаю?“ повторилъ Викторъ умилнымъ голосомъ: — „сей часъ иду, другъ мой! Иду, но для того, чтобъ показать спѣсивицѣ, что значить оскорбленная любовь!“ присевокупилъ онъ, оправдываясь передъ собою. Съ небрежнымъ видомъ вошелъ Викторъ въ гостиную, и вмѣсто того, чтобъ сѣсть по прежнему подлѣ Жанни, разсыпаясь жемчугомъ въ иносказательныхъ привѣтствїяхъ — подсѣлъ къ спарику, хозяйну, и пустился шутить съ нимъ на перегонки. Но Жанни, которая прежде всѣхъ бывало показывала зубки, когда онъ выказывалъ остроуміе или рассказывалъ что нибудь смѣшное — шеперь не удостоивала его шутокъ даже улыбкою, заводила незначащій разговоръ съ маперью, и будто на зло ему все дѣлала на оборотъ. Обыкновенно въ первой степени любовнаго масонства, ученики стараются узнать и уга-

дать всё вкусы, всё прихоти, всё причуды милой особы, и такимъ нѣжнымъ вниманіемъ, такими маленькими услугами пробивать пропину до ея сердца. Подобный размѣнъ предупредительности уже существовалъ между нашими любовниками, и они оба могли перечесать по пальцамъ, что каждый изъ нихъ любилъ или не любилъ особенно; ни одна бездѣлица, которую только глазъ любви можетъ замѣтить, только сердце любви — оцѣнить, не предлагалась безъ взаимной передачи улыбки или слова. Напротивъ шеперь Жанни будто вовсе забыла привычки Виктора. Чай, вопреки его вкусу, былъ сладокъ какъ варенье; ему предлагали сливокъ, хотя онъ никогда не употреблялъ ихъ, и, что всего обиднѣе — не дослушавъ его рѣчей, Жанни обращалась къ другимъ съ пустыми вопросами. Викторъ выходилъ изъ себя, спараясь казаться хладнокровнымъ. Жанни казалась ему чудовищемъ, но чудовищемъ самымъ милымъ въ свѣтѣ... онъ готовъ былъ тогда разбранился съ нею навѣкъ, и расцѣловать въ пухъ. Бѣда, когда западешь въ решивое спросить — которой мы не въ силахъ ни бѣжать, ни побѣдить!

Я право не знаю, что важнѣе для любовниковъ: первая ли благосклонность или первая ссора? Бѣда двоякая, когда онъ приходитъ

вдругъ, подобно радугѣ въ бурномъ дождѣ. Викторъ возвратился отъ ужина разогорченъ и опечаленъ, видя свою покорность опвергнутою съ равнодушіемъ, и свою гордость униженною предъ невниманьемъ. „О женщины, женщины!“ восклицалъ онъ: „существо безсердечное, легкомысленное, коварное, неблагодарное!“ — Онъ не первый и не послѣдній вымещалъ на цѣлой половинѣ рода человѣческаго досаду на одну дѣвушку. Въ любовныхъ и въ полпическихъ упрекахъ обѣ стороны бывающъ обыкновенно чрезвычайно справедливы: старое и новое, небывалое и бывшее, все смѣшано вмѣстѣ, все обрывается на голову обвиняемаго; каждый умильный взглядъ, каждый поклонъ, сдѣланный ему въ благодареніе, то есть, въ обвиненіе за неблагодарность. — Злая филиппика Викторова кончилась тѣмъ, что онъ рѣшился писать къ *жестоккой*.

Начиная переписку побранкою довольно щекопливая вещь — она казалась однако жъ самою естественною и всего болѣе справедливою для неопытнаго моряка. Забавно было видѣть, какъ онъ грызъ перо и разрывалъ листы за листами, то находя выраженія свои черезъ-чуръ жесткими, то не ксшами нѣжными. Не разъ вскакивалъ онъ и опворялъ окно, будто нажидая прилива крас-

норѣчія опѣ полнолунія, или съ жадностію запыгивался пробкою, высасывая изъ нее вдохновеніе съ дымомъ. Пламенные нелѣпости текли струей на бумагу, и подобно ракетѣ разсыпались звѣздами словъ. Чего тамъ не было? и обольстительныя упреки, и нѣжныя угрозы, и кляпвы, и обѣщанія — словомъ, всѣ выходки сердечнаго безумія, всѣ грѣзы любовной горячки, все, кромѣ того, что хотѣлъ сказать онъ — и того менѣе, что долженъ былъ говорить. Изъясненіе это было вкрапцѣ — и на прѣшнемъ листѣ онъ дописывалъ начало, какъ вдругъ ему показалось, будто буквы распухъ, распухъ подъ перомъ его, что онѣ, свившись хвостами и усами, начинаютъ извиваться и прыгать, какъ змѣи. Изумленный такимъ явленіемъ, Викторъ снялъ со свѣчи, проперъ опяжелѣвшіе глаза — не пухъ то было! — дѣши азбуки не унимались: спрочки бѣгали вкось и вдоль и словно дрались между собою, запятыя и многопочія — (вещь необходимая въ любовномъ письмѣ, какъ дробь въ охотничьемъ зарядѣ) летѣли со спороны на спорону, цѣлыя фразы кружились, смѣшивались, перескакивали Богъ вѣсть куда, до того, что у Виктора зарябило въ глазахъ. Неодолимый зѣвокъ, какъ очарованіемъ разверзъ его челюсти — и го-

лова тихо, тихо скапывалась на неокончанное письмо. —

Въ младенчествѣ слышалъ я сказку о добромъ молодцѣ, — который, укравъ у сосѣда пѣшука, набрелъ, пробираясь черезъ кладбище, на толпу мертвецовъ. Забавники того свѣта, покинувъ могилы, чѣмъ погрѣшь свои кости на мѣсяцъ, играли, перекидывая своими головами какъ мячемъ.....гробовыя одежды лежали разсыяны. Испуганный воръ, зная, что оборотни такъ же боялись пѣнія пѣшука, какъ мы стиховъ Комова — такъ давнулъ несчастнаго вѣспника зари, что онъ закричалъ какареку благимъ матомъ. — Смутились пляски покойниковъ; каждый, надѣвая голову, какую послалъ ему случай, и одежду, какая попалась подъ руку, швыркомъ и кувыркомъ кидался въ могилу. На упрѣ любопытные нашли весь гробовой міръ вверхъ дномъ... извѣстный красавецъ лежалъ съ беззубою головою старухи, у старика Профессора Философѣи накинута была на бекрень дѣтская головка, општавной солдатъ съ деревянною ногою лежалъ въ душегрѣйкѣ, а кирасирскія ботфорты красовались на маленькой ножкѣ танцовщицы.

Проснувшись на зарѣ, почто въ такомъ же безпорядкѣ нашелъ письмо свое Викторъ. Напрасно перечитывалъ онъ его съ верху

внизъ и снизу вверхъ, добиваясь толку; напрасно искалъ онъ, что ему хотѣлось вчера съ выразить — это было настоящее Вавилонское смѣшеніе языковъ. „Или я сегодня умнѣе вчерашняго,“ сказалъ онъ наконецъ, раздирая въ куски посланіе: „или вчера былъ такъ мудренъ — что сегодня себя не понимаю. Чтѣ бы подумала обо мнѣ Жанни, если бы я грянулъ въ нее такою нескладицею!“

Совершивъ *auto-da-fé* надъ лоскутками, Викторъ вышелъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ и собрался съ мыслями на новое объясненіе. Окрестный видъ былъ истинно Фламандской школы: небо, подернутое байкою тумановъ, обсприженныя деревья — осыпаны пудрой пнея; вдали фабрика, у которой длинныя трубы торчали, какъ ослиныя уши, и даже апсиды на башенкѣ оранжереи — все напоминало картины Вувермана. Самъ не зная какъ, очутился онъ у дверей кухни — сердце вѣчно влечетъ насъ туда, гдѣ вкусно оно наслажденіе, какъ въ родину своего счастья. — Изъ нее выходилъ садовникъ съ лейкою въ рукѣ и съ шрубкою въ зубахъ. „Тамъ никого нѣтъ?“ спросилъ Викторъ, желая сказать что нибудь Голландцу.

„О пееп, тун хегг,“ опивчалъ шопъ, подвигая на сторону колмакъ свой: „какъ никого

нѣтъ? тамъ премножество птицъ и цвѣ-
товъ.“

„Упичная шумливостъ, другъ мой!“ возразилъ Викторъ, захлопнувъ за собой дверь.

„Soo, soo!“ произнесъ Голландецъ, пыхнувъ очень значительно дымомъ и качая головою — дальнѣйшихъ объясненій думы его надобно было бы ожидать какъ поздней капусты. Онъ удалился, улыбаясь лукаво.

Печально поглядѣвъ Викторъ на милующихся канареекъ, быстро пробѣжалъ стопами и взорами цвѣтники и ряды рѣдкихъ плодоносныхъ и душистыхъ деревъ: онъ замѣтилъ, какъ склоняли цвѣты другъ къ другу вспрыснутыя головки свои, будто желая подѣлиться освѣжающею влагою. Пусть кто хочетъ говорить, что любовь есть безуміе — по моему, въ ней таится искра высокой премудрости. Въ ней мы испытываемъ по чувству то, къ чему приводитъ насъ въ послѣдствіи Философія по убѣжденію. Какимъ благороднымъ довѣріемъ, какою чистою добротою бываемъ мы тогда переполнены: въ каждомъ человѣкѣ находимъ тогда друга — въ миломъ цвѣткѣ, въ тихомъ куспарникѣ — роднаго; мы считаемъ людей и вѣримъ себя самихъ-лучшими, и точно были бы таковыми, если бъ это умиленіе, творящее около насъ новый міръ и украшающее старый — было прочнѣе, по-

спояніе. Разница только въ томъ, что Философія исторгаетъ человѣка изъ общей жизни и, какъ побѣдителя, возвышаетъ надъ природою, а любовь, побуждая его частную свободу, сливается съ природою, которую онъ, одушевляя, возвышаетъ до себя. Сладостны созерцанія и мудреца и любовника, хотя ощущенія послѣдняго живѣе, а понятія перваго явственнѣе. Любовникъ, кажется, внемлетъ сердцемъ біенію жизни во всемъ твореніи, гармоніи блага во всемъ творимомъ. Предъ умственными взорами другаго разсвѣтаютъ мрачныя бездны, развивается свѣтлокъ судьбы міровъ и народовъ. Только это двойное созерцаніе даетъ человѣку въполнѣ насладиться своимъ совершенствомъ, но въ самозабвеніи, но въ забвеніи всѣхъ золъ, его окружающихъ. Въ это время онъ поглощаетъ минувшія, настоящія и будущія наслажденія, сливныя въ пихомъ восторгѣ! —

Полонъ подобными чувствами, если не подобными мыслями, споялъ мечтатель Викторъ передъ кустомъ шюбъ-розъ, свидѣтелемъ его счастья и горя. Душа его плавала, какъ Индійская Пери, въ испареніяхъ цвѣтловъ, забывъ досаду и надежду, довольная собственною любовью, одною любовью: чувство непонятное многимъ, но тѣмъ не меньше сладкое для немногихъ. — Вдругъ, вовсе неожиданно,

данно онъ былъ исторгнутъ изъ своей задумчивости свѣжимъ, звонкимъ поцѣлуемъ — и громкій смѣхъ, за нимъ послѣдовавшій, заставилъ его вздрогнуть, хотя вовсе не отъ испуга; смѣхъ этотъ въ свою очередь заглушенъ былъ звукомъ поцѣлуевъ Викторовыхъ, которыми осыпалъ онъ рѣзвую Жанни — ибо это была конечно она.

„Полно, полно-ше, Викторъ!“ кричала красавица, заслоня уста ручками, которыя оппимала опять, чтобы скрыть отъ лобзаній — „я право опять разсержусь на васъ, я возвращаю вамъ только вашъ злой поцѣлуй — я не хотѣла принимать подарковъ отъ такихъ дерзкихъ людей.“

Викторъ остановился. „Очень хорошо, Жанни — когда дѣло пошло на расчеты, возвращайте мнѣ сполна полученные шеперь — и я доволенъ.“

„Да вы несносите нашего Бухгалтера — Викторъ! — легко сказать — счетомъ, а кто бы успѣлъ считывать ихъ?“ — возразила Жанни — и между тѣмъ щеки ея пылали прелестнымъ румянцемъ, глаза яснили невинною веселостию вся она была такъ прости-сердечно игрива — Викторъ распаялъ. О прежней ссорѣ не было и помину. Онъ тихо обвилъ руку около спройнаго ея спана, и непримѣнно привлекъ къ себѣ очарованную

очаровательницу; но она будто убѣгала отъ милыхъ успѣхъ, успѣха ея преслѣдующихъ, пакъ, что Викторъ срывалъ поцѣлуй, какъ розы за розою. „Мы перечтемъ снова,“ произнесъ онъ, и между всякимъ словомъ было *тире* изъ звуковъ, которыхъ по сію пору никто не вздумалъ изобразить какимъ нибудь іероглифомъ. — Въ повѣрку счета вкрадывались ошибки, и повѣрка начиналась снова и снова. Я увѣренъ, что это была первая ариѳметическая задача, доставившая столько удовольствія ученикамъ. Итоги не были еще подведены, а уже они дружески говорили *ты* другъ другу. Никто изъ нихъ не помнилъ, когда и кѣмъ было произнесено это слово. —

„Я хотѣла помучить тебя, Викторъ,“ говорила Жанни, расправляя розовыми перстниками волосы на головѣ его; „но, признаюсь, мнѣ дорого стоило припворство, и я цѣлую ночь упрекала себя. Пришедши сюда цѣлешь цѣлѣны мои, я долго любовалась побою,“ примолвила она, скрывая горящее лице на груди счастливца, и наконецъ не выдержала, чпобъ не поцѣловать тебя. — За что, скажи, я такъ люблю тебя, причудливый, злой Викторъ!“ —

„За что я обожаю тебя, коварная дѣвушка!“

„Не сердись впередъ, Викторъ — ты

такъ спрашенъ въ гнѣвъ — мнѣ спановишься холодно въ сердцѣ, когда я о томъ вспомню.“

„Не играй впередъ любовью, милая Жанни! Кто такъ хорошо умѣетъ припворяться равнодушнымъ, тому не далеко до насоящаго безспрастія — по крайней мѣрѣ мысль, что ты такъ же легко можешь лицемѣрствовать въ нѣжности, какъ въ холодности, меня убиваетъ!“

„О нѣтъ, другъ мой,“ отвѣчала она просподушно: — „я уже привыкла быть равнодушною, а люблю впервые.“

„И въ послѣдніе, Жанни?“

„Однажды и навсегда, Викторъ!“

„Я твоей до гроба! люблю тебя Жанни буду я и въ самой вѣчности!“

Въ этотъ разъ Жанни уже не думала спрашивать: что значить любить? и Викторъ не пошелъ бы въ карманъ за словомъ, если бъ она о томъ спросила. Удивительно, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ въ этой наукѣ сердце человѣческое въ самое короткое время! Одинъ развѣ живописно-магнетическій сонъ, который учитъ по-Латынѣ и по-Гречески въ одну засыпку, можетъ поспорить съ плапо-ническою методою. Вчерашніе новички спановлялись вдругъ такими спрапегиками въ любовной войнѣ — что, пожалуй, научатъ учителей. Любовники наши распались, осыпая

другъ друга увѣреніями: они поспѣшили въ свои комнаы, чѣобы наединѣ съ собою, капель по капль, вкусить свое блаженство.

(Продолженіе впередъ.)

II.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

О НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМЪ КЛАССѢ,
въ Политической Экономіи и Политикѣ.

Что всѣ классы, не только физическіе, но и нравственные, въ обществѣ суть производительные — объ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Новѣйшіе Писатели Политической Экономіи ясно доказали сію истину; между прочими Шторхъ превосходно изложилъ сей предметъ въ знаменитомъ своемъ сочиненіи: *De Reveni Nationali*. Тамъ же онъ показалъ, какой трудъ собственно должно почитать непроизводительнымъ. Я здѣсь намѣренъ разсмотрѣть съ возможною ясностію сей послѣдній предметъ, какъ заслуживающій особенное вниманіе.

Непроизводительный классъ, если можно называть классомъ, состоитъ изъ тѣхъ людей, которые не приносятъ трудомъ своимъ об-

ществу ни какой пользы, и живутъ, такъ сказать, на счетъ труда другихъ. Въ семь числъ я полагаю бѣдныхъ, праздныхъ и разныхъ преслушниковъ.

Подъ именемъ бѣдныхъ здѣсь должно разумѣть не тѣхъ, которые, въ сравненіи съ другими, не имѣютъ разныхъ удобностей для жизни, и не участвуютъ въ особенныхъ наслажденіяхъ оной, но собственно тѣхъ, которые сами по себѣ лишены всякаго необходимаго пропитанія, и находясь въ необходимости прибѣгать къ испрашиванію помощи отъ другихъ.

Понимая бѣдныхъ въ семь отношеній, мы, безъ всякаго сомнѣнія, должны называть ихъ непродуцательными. — Спрашивается: должно ли къ сему же классу людей отнести тѣхъ, которые частію промышляютъ своимъ трудомъ, частію пользуются общественными благодѣяніями, какъ то мы видимъ въ Англіи? Я думаю, что должно отнести ихъ, какъ людей трудящихся, къ классу продуцательному; въ разсужденіи же вспомошествованія, получаемого ими отъ другихъ, они дѣйствительно не суть продуцательны, ибо ничего не даютъ въ замѣнъ сего послѣдняго. — Собственно бѣдные могутъ быть раздѣлены на два особенные рода: одни изъ нихъ суть тѣ, которые, по причинѣ неизлечимыхъ бо-

лѣзней или уродства, находяпся не въ силахъ доставать себѣ пропитаніе; другіе же суть тѣ, которые, лишившись по какимъ либо несчастнымъ обстоятельствомъ своего состоянія, вдругъ принуждены бывають искашь пособія у другихъ. Что первые заслуживають въ полной мѣрѣ общественное призрѣніе, съ эшимъ нельзя не согласишься. Граждане всѣ составляютъ одно общество; всякой находится въ тѣсной зависимости одинъ отъ другаго, такъ, что дѣятельность каждаго въ обществѣ составляетъ одну только часть всеобщей дѣятельности, а посему рѣшительно можно сказать, что всякой обязанъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ, не одному себѣ, но цѣлому обществу, ибо безъ его содѣйствія онъ никогда не могъ бы удовлетворить въ полной мѣрѣ всѣмъ своимъ настоящимъ нуждамъ. Общая дѣятельность приводитъ въ движеніе и его физико-нравственныя силы, и онъ мало по малу дѣлается достаточнымъ, богатымъ. Слѣдственно, если въ обществѣ является кто либо, неимѣющій никакихъ способовъ къ поддержанію себя, то не обязанъ ли другой, не говорю, по человеколюбію, но по законамъ самаго общежитія, по собственному самолюбію, дѣлать ему возможное вспоможеніе? — Но въ какой степени оно должно

быть, это зависить отъ сравненія отношеній самого бѣднаго. Для одного необходимо нужно пособіе бѣльшее, для другаго мѣньшее, равно какъ одинъ обязывается къ вспомошествованію другимъ въ бѣльшей степени, другой въ мѣньшей. Вообще надобно, чтобы само общество, составленное пожертвованіями гражданъ, распредѣляло назначеніемъ пособій.

Нѣкоторые Писатели, спрашаясь излишества народонаселенія, весьма много вооружались противу вспомошествованій, оказываемыхъ бѣднымъ; но надобно знать, какимъ собственно должно давать пособіе и какое: все должно заключаться въ извѣстныхъ предѣлахъ оспороженности и благоразумія. Человѣкъ, лишенный зрѣнія, рукъ, ногъ, или подвергшійся долговременной болѣзни, ужели долженъ быть оставленъ на произволъ бѣдственной своей судьбы? Ужели общество можетъ отказать ему въ необходимомъ пропитаніи и призьніи? Мы до сего времени еще не знаемъ совершенно, отъ чего происходятъ такіа ужасныя явленія въ физико-нравственномъ мѣрѣ: знаемъ ли мы, что сіи уроды, которые безпрерывно предпавляются предъ нашими глазами, можетъ быть, имѣють полное право обвинять другихъ, и быть можетъ, обвинять насъ самихъ въ сла-

боспяхъ, порокахъ, обнаруживающихся ужасными слѣдствіями, по видимому, въ опдаленныхъ отъ насъ лицахъ? — Посему не имѣютъ ли они совершеннаго права, не говорю, пребывать нашего пособія, но и негодовать, роптать на насъ, что они доведены до такого состоянія, въ которомъ находятъ себя принужденными просить у насъ подаянія? — Никто, самъ по себѣ, не имѣетъ исключительнаго права на лучшее состояніе — мы все безусловно равны; слѣдственно все мы, какъ достоинству свои, такъ и самыя недоспашки должны почитать въ нѣкоторомъ смыслѣ общими. Удивляюсь, какъ до сего времени можетъ царствовать въ обществѣ ужасный и столько же несправедливый эгоизмъ! — Впрочемъ, чтобы ни какой трудъ не могъ быть потерянъ совершенно безъ всякой для другихъ пользы, для сего общество вспоможенія должно обращать вниманіе на то, не можетъ ли несчастный, ищущій общественнаго призрѣнія, чѣмъ либо быть полезнымъ для другихъ, и если такъ — то надобно умѣть воспользоваться такимъ исключеніемъ, и найти для несчастнаго свойственный, приличный ему образъ дѣятельности. — Нельзя безъ особеннаго умиленія читать, какія благотѣльные учрежденія въ семъ отношеніи находятся въ разныхъ обра-

зованныхъ Государствахъ Европы и въ Сѣверной Америкѣ. — Присемъ я не могу умолчать и о томъ, какой происходитъ вредъ для общества отъ того, когда оставляютъ безъ всякаго вспоможенія несчастныхъ: ибо 1-е, если они подвержены неизлечимымъ, жестокимъ болѣзнямъ, то могутъ собою заразить и другихъ; 2-е, они уже по необходимости должны быть кому нибудь въ тягость; слѣдственно не лучше ли обществу самому оказывать пособіе, нежели заставить другихъ, часто самихъ борющихся съ нуждами, но движимыхъ чувствами или родства или состраданія, заботиться о несчастныхъ? 3-е, уроды, разсыанные по всѣмъ частямъ общества, не должны ли наводить нѣкоторый ужасъ на людей, на нихъ смотрящихъ, и не должны ли чрезъ то самое или возбуждать ихъ къ негодованію противъ челоѣчества, или поспешенно прищипывая въ нихъ чувство состраданія? Замѣтивъ надобно, что въ томъ народѣ, въ которомъ находится много уродовъ безъ всякаго призрѣнія, всѣ чувства благородныя почти всегда оспаютъ заглушенными. Чего же можно ожидать отъ такого народа? Къ чему великому, благородному онъ можетъ содѣлаться способнымъ?

До сего времени мы говорили о бѣдныхъ,

несчастныхъ физически: какъ же должно судить о тѣхъ, которые подвергаются бѣдности, невозможности содержать себя, по причинѣ печальныхъ, жалкихъ обстоятельствъ? — Общество равно обязано дѣлать и таковыми возможныя пособія. Кто можетъ быть увѣренъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ самъ не подвергнется такой же бѣдственной участи? Кто можетъ ручаться за всегдашнее, постоянное свое счастье? И такъ не ужасно ли воображать, что, если по какому либо случаю доспанется кому впасть въ бѣдность, лишиться всѣхъ способовъ къ содержанію себя, то онъ долженъ остаться на жертву голоду и постепенному издыханію? Это ли черта просвѣщеннаго вѣка? — Припомъ не показывается ли опытъ, что, оказавъ пособіе несчастливцу, мы иногда чрезъ сіе приводимъ его въ такое положеніе, что онъ не только вознаграждаетъ трудомъ, дѣятельностію своею все употребленное на него, но еще приноситъ особенную пользу себѣ и другимъ? — При всей возможной осторожности, благоразуміи, человѣкъ можетъ ошибиться въ своихъ расчетахъ, можетъ вдругъ потерять все то, что онъ пріобрѣталъ долговременными своими трудами. — Мнѣ кажется, что для таковыхъ случаевъ каждое

сословіе должно имѣть особенную сумму, и употребляя оную на вспомошествованіе. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ думать, будто всякое званіе дѣлается тѣмъ болѣе исключительнымъ для своихъ выгодъ, чѣмъ болѣе уменьшается въ ономъ число дѣятельныхъ гражданъ! — Никакъ — особенныя выгоды всегда заставляя перейти изъ одного званія въ другое, а напропивъ, поддерживая одинъ другаго, тѣмъ болѣе всякой можетъ быть обезпеченъ на счетъ будущаго въ своей дѣятельности. Истина уже доказана знаменитыми Писателями Политической Экономіи, что для всѣхъ открыто неизмѣримое поле дѣятельности и выгодъ, лишь бы всѣ званія и всякой родъ дѣятельности были распределены правильнымъ образомъ, а сего-то не иначе можно достигнуть, какъ если всѣ состоянія будутъ готовы вознаграждать между собою всякую случайность. Попери капиталовъ посредственно или непосредственно, въ бѣльшей или мѣньшей степени, имѣютъ вліяніе на всѣхъ вообще гражданъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно со всѣмъ вниманіемъ наблюдать движеніе всего политическаго организма, а не судить только по тому, что представляется предъ нашими глазами. Такая близость иногда обманываетъ даже самые госу-

дарственные умы, управляющіе экономическо-финансовою частію Государства.

Что же касается до степени вспомоществованія, потребнаго для несчастливцевъ втораго рода, для сего необходимо нужно знать, оиъ чего и какъ кто либо подвергся бѣдности; совершенно ли онъ невиненъ въ семь, или виноватъ по своей неоспорочности: по мѣрѣ сего должно оказывать ему и самое пособіе. Есть люди, для которыхъ лучше сдѣлать вспомошествованіе семейству, нежели предоспавивъ имъ какія либо средства для независимой, безопечной дѣятельности, ибо они, по разнымъ отношеніямъ, бываютъ совершенно ни къ чему неспособны.

Второй родъ непродушительнаго класса составляютъ праздные. Есть много въ обществѣ такихъ, которые, или не получивъ приличнаго своему званію воспитанія, или распотчивъ все, полученное ими по наслѣдству и пріобрѣтенное своими трудами, также по другимъ причинамъ не занимая ни какой должности, предаются совершенной бездѣятельности, праздности. Они живутъ также или подаяніемъ, или изобрѣщеніемъ какихъ либо, нерѣдко постыдныхъ родовъ дѣятельности. Правительство должно обращать весьма строгое вниманіе на такихъ людей;

они должны быть опличаемы отъ истинно бѣдныхъ, неимѣющихъ средствъ къ своему пропитанію; они нерѣдко могутъ быть при-
нуждаемы къ какому либо полезному труду. Не можно представить, сколько у насъ такихъ праздношающихся! и не можно представить, сколько они приносятъ вреда обществу — тѣмъ болѣе, что они, не но-
ся названія преступниковъ, легко терпимы бывають въ обществѣ, а зло часто причи-
няютъ гораздо большее, нежели какое дѣлають самые преступники! — Напр., заводя азар-
дныя игры, основанныя на одномъ низкомъ обманѣ, на мошенничествѣ, они вовлекають въ оныя неопытную молодость, мало по
малу ознакомливають ее съ мнимо-пріятнымъ препровожденіемъ времени, а потомъ, посе-
ливъ въ ней пристрастіе къ игрѣ, губятъ и разоряють ее, — и разными другими об-
разами успѣвають развращать, совлекать съ истинной дороги нерѣдко съ самыми
лучшими способностями и пылкими чувство-
ваніями юношей, и дѣлають ихъ наконецъ, подобно себѣ, неспособными ни къ какой
полезной службѣ. Конечно совершенной сво-
боды, какъ вести себя, лишать никого не
должно; общество, поступая такимъ обра-
зомъ, нарушило бы самыя главные права
человѣка — гражданина; однако можно раз-

ными средствами людей, неимѣющихъ никакого поспояннаго благороднаго занятія, обуздывать, удерживать отъ низкихъ, подлыхъ средствъ къ содержанію себя. Впрочемъ, надобно со всѣмъ понкимъ благоразуміемъ вникать, отъ чего увеличивается въ обществѣ число праздныхъ людей. Если есть какія либо сему причины, то надобно, сколько можно скорѣе, стараться оныя удалять. Не должно думать, что люди, находящіеся безъ занятій, безъ должности, ни мало не опасны для общества: до тѣхъ поръ, пока они живутъ въ немъ, они имѣютъ на оное и вліяніе; и человекъ, исправляющій посредственнымъ образомъ свои обязанности, менѣе можетъ быть вреденъ для общества, нежели совершенно праздношапашающійся — ко всѣмъ и ни къ какому непринадлежащій званію. Къ сожалѣнію, мы часто встрѣчаемъ въ обществѣ такихъ, которые могли бы съ честію служить въ ономъ, но праздны потому только, что не могутъ найти приличной себѣ службы. Правительство должно стараться доставить такимъ мѣста, сообразныя ихъ способностямъ и наклонностямъ. Но это болѣе относится до чиновниковъ. Что же касается до гражданъ прочихъ сословій, то самыя сословія должны заботиться о томъ, чтобы не было

въ оныхъ праздныхъ людей, давалъ имъ пособія, нужныя для полезной дѣятельности, или употребляя иногда понудительныя средства къ тому, чтобы они прудились. Никто не имѣетъ права быть худымъ гражданиномъ. Судя по тому, что всякой человѣкъ отъ природы имѣетъ благородное самолюбіе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не испорченъ, и что всякой въ большей или меньшей степени чувствуетъ наклонность, даже необходимость въ прудѣ, я смѣло заключаю, что большая часть праздношающихся по тому только шаковы, что не имѣютъ средствъ къ дѣятельности, сообразной всѣмъ ихъ отношеніямъ. Бѣдный чиновникъ — уже ли для своего пропитанія долженъ быть поденщикомъ, слугою? Равно разорившійся извѣстный фабрикантъ или купецъ уже ли долженъ принялся за ремесло сапожника или за соху? — А если такъ, то надобно прежде облагородить всѣ званія въ обществѣ, надобно расположить общее мнѣніе къ тому, чтобы ни какой гражданинъ не смѣлъ пренебрегать ни какимъ званіемъ. — Впрочемъ, весьма странно слышать, что въ Государствахъ, мало населенныхъ, но имѣющихъ много земли и много другихъ источниковъ для народной дѣятельности, находится великое число праздныхъ людей. Нѣкоторые говорятъ, что ма-

лостъ работы происходить отъ недостатка капиталовъ; но спрашиваю: какимъ образомъ приобрѣтаются самые капиталы, если не посредствомъ дѣятельности — труда? Пусть увеличится еще больше число праздновающихся, тогда еще менѣе будетъ капиталовъ, а зло распространится гораздо болѣе, ибо праздновающіеся должны же жить на счетъ труда другихъ. Напропивъ, пусть все займетъ въ обществѣ свое мѣсто; пусть дарованія, заслуги получаютъ настоящій свой вѣсъ; пусть всѣ сословія, равно необходимыя для общаго благосостоянія, будутъ пользоваться приличнымъ уваженіемъ, соотвѣствующими имъ привольями; тогда дѣятельность быстро сама по себѣ развернется, и явятся капиталы. Но чѣмъ въ обществѣ не было когда либо предметовъ для дѣятельности, на это скорѣе можетъ жаловаться такое Государство, какъ Англія; но тогда уже предлежитъ другой вопросъ — вопросъ, заключающій въ себѣ мысль извѣстнаго политико-эконома Мальгуса. Сей вопросъ уже долженъ быть рѣшенъ совсѣмъ инымъ образомъ. Не распространяясь много о семъ предметѣ, я сдѣлаю только общее заключеніе. Земной шаръ обширенъ; человѣчество живетъ на счетъ его всего, и такъ въ отношеніи всего Земнаго шара дѣятельность всѣхъ Государствъ

еще слишком малозначительна; она можетъ быть чрезвычайно сосредоточена, а попому и можетъ перпыть спѣсненіе, — но распросранившись, она должна будетъ упонуть, какъ капля въ морѣ. Я не могу вѣрить, чпобъ не были всеобщіе законы для нашей планеты на счетъ народонаселенія въ отношеніи ко всему Земному шару, и попому не могу думать, чпобы могло быть въ чемъ либо явное неравновѣсіе или несоотвѣстствіе.

Третій родъ непронзводительнаго класса состоитъ собственно изъ преступниковъ, какъ-то, грабителей, воровъ и подобныхъ имъ, которые лишаютъ другихъ приобръщеннаго трудомъ. Не мѣсто здѣсь разсуждать, какъ должно понимать сей презрительный и вмѣстѣ жалкій классъ человѣчества, — знаемъ только, что есть грабители, воры, и что они дѣлаютъ зло обществу. Можетъ быть, скажутъ, что они, какъ похищатели, не дѣлаютъ зла въ отношеніи къ Политической Экономіи, ибо потребляютъ произведенія вмѣсто самихъ владѣтелей; но это несправедливо. Надоно знать, къ чему собственно принадлежатъ похищаемое ими у владѣтелей, къ капиталу или доходу; если къ капиталу, то они чрезъ сіе уменьшаютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства; если же къ доходу, то они оспанавливаютъ раскрытіе

высшихъ отраслей дѣятельности, которыя владѣльцы могли бы поддерживать употребленіемъ своего дохода. При томъ доходъ, пріобрѣтаемый ворами, никогда не можетъ быть вѣренъ, а потому рано или поздно онъ долженъ нарушить равновѣсіе въ приготовленіи произведеній для нихъ капиталистами. Слѣдственно похитители во всякомъ случаѣ подлежатъ строгой взыскательности Правительства. Нельзя и здѣсь умолчать о благоразумныхъ и благодѣтельныхъ мѣрахъ нѣкоторыхъ Государствъ въ отношеніи къ преступникамъ. Они самое наказаніе ихъ стараются сдѣлать полезнымъ для общества; тюрьмы въ оныхъ составляютъ нѣкоторый родъ фабрикъ или заведеній, гдѣ преступники принуждены бываютъ трудиться, отъ чего характеръ самыхъ грубыхъ злодѣевъ можетъ мало по малу смягчиться, и лѣнныя могутъ привыкнуть къ дѣятельности; между тѣмъ, какъ въ другихъ Государствахъ преступники нерѣдко изъ тюремъ выходятъ гораздо большими злодѣями, нежели какими они туда вступаютъ, особенно тамъ, гдѣ преступники большіе и малые — и даже виновные и мало виновные смѣшиваются въ одномъ мѣстѣ, и остаются безъ всякаго на счетъ своихъ нуждъ призрѣнія. Все зависитъ отъ степени народ-

наго просвѣщенія и политическаго устройства (*).

И такъ при рода людей, нами исчисленные, составляютъ непроеводительный классъ въ Политической Экономіи. — Теперь войдемъ въ разсмотрѣніе производительныхъ классовъ.

Хотя мы выше сказали, что всѣ классы, физическіе и нравственные, сами по себѣ суть производительны; но, по отношенію употребленія своей дѣятельности, они не суть всегда таковы. Напримѣръ, они бываютъ болѣе или менѣе производительны. — Дѣятельность можетъ быть или малая, по причинѣ лѣности, или неуспѣшная, по причинѣ невѣрнаго направленія оной, или худая, по причинѣ злоупотребленія въ исполненіи оной. Объяснимъ все сіе лучше порознь. Земледѣлецъ, обрабатывающій свою землю лѣнливо, бываетъ

(*) Можетъ быть — опять мнѣ на это скажутъ, что на все нужны капиталы; но я повсюду, что капиталы суть плодъ труда и нравственнаго усовершенствованія. Смѣло употребляй доходы на лучшія заведенія — разумѣется, съ осторожностію и благоразуміемъ. Одно должно быть учреждено прежде, другое послѣ, одно такъ, другое иначе. Къ несчастію, по большей части жалуются на невозможность что либо сдѣлать, которыя и не умѣютъ сдѣлать.

въ половину и даже менѣе производительнымъ. То же самое можно сказать о фабрикантѣ, купцѣ и даже тѣхъ, которые составляютъ нравственный классъ. То, что одинъ сдѣлалъ бы въ полчаса, другой дѣлаетъ въ продолженіе пяти часовъ. Какая чрезъ сіе происходитъ потеря драгоценнаго времени и самой пользы! — Въ частности она еще бываетъ мало замѣтна; но въ цѣлой массѣ Государства она составляетъ значительный ущербъ въ богатствѣ. Вообще народы образованные бываютъ всегда болѣе дѣятельны. — Это доказывается самымъ опытомъ; равно народы, промышляющіе фабриками и торговлею, бываютъ болѣе склонны къ оной, нежели народы земледѣльческіе.

Нѣкоторые думаютъ, что земледѣльцевъ вообще надобно принуждать къ труду, — но они не понимаютъ, что принуждать можно только частныхъ людей, отступающихъ въ ходѣ своемъ отъ другихъ; цѣлый же классъ народа принудить нельзя, а можно только сдѣлать въ ономъ преобразование посредствомъ распространенія посвѣщенія. Распределение налоговъ, сообразное съ настоящимъ положеніемъ народа, составляетъ въ семъ отношеніи весьма важный предметъ. Не въ томъ состоитъ дѣло, чтобы народъ платилъ мало, а въ томъ, чтобы онъ платилъ

налогъ соразмѣрно своему состоянію; тогда можно будетъ получать болѣе, налогъ вообще не будетъ для народа опягощающимъ. Надобно возможно-лучшимъ образомъ знать Спастислику своего Государства — понимать духъ народа — всѣ его отношенія — истинное состояніе его. — Сюли въ короткое время поправилъ самое расстроенное состояніе Государства, Сюли былъ самый прудолюбивый, честнѣйшій Министръ, — но Сюли, безъ сомнѣнія, и зналъ хорошо Францію. — Къ счастью, Исторія утѣшаетъ человѣчество правленіемъ такихъ необыкновенныхъ мужей. Впрочемъ въ каждомъ столѣтіи — въ каждое время, въ каждомъ народѣ находятся сіи гении — это есть непремѣнный законъ самой Природы, всегда спремещающейся удерживать въ равновѣсіи физико-нравственный міръ.

(Окончаніе впродѣ.)

III.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

РАЗРУШЕНІЕ МОСКВЫ ПОЛЯКАМИ ВЪ 1612 ГОДУ.

*Отрывокъ изъ современной рукописи: Лѣтописи
Московской, Мартина Бера (1).*

По смерти Димитрія II (2), города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жишелямъ

(1) Полный переводъ сей рукописи составляетъ 1-ю часть *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*. Она будетъ издана въ началѣ будущаго 1832 года. См. Но 210 и 211 Сѣверной Пчелы.

Чтобы указать точку, съ коей должно, по моему мнѣнію, смотрѣть на сочиненіе Бера, считаю долгомъ привести нѣсколько словъ изъ предисловія къ его Лѣтописи:

„..... Твореніе Бера есть сокровище неоцѣненное для Русской Исторіи; недостаетъ одного къ полному совершенству онаго: Авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ, и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей; часто онъ судилъ о Россіянахъ весьма несправедливо; тамъ, гдѣ они онъ Историка безприспращнаго заслужили бы легкія укоризны, Беръ клянеть

(2) Такъ называетъ Беръ Самозванца, извѣстнаго въ нашей Исторіи подъ именемъ Вора Тушинскаго.

оной письмо слѣдующаго содержанія: „Попуталъ насъ лукавый: сгубилъ наше Царство проклятый Самозванецъ; мы хотимъ жить

ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Россіянъ, — непоколебимыхъ въ Вѣрѣ, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности Государю, — *варварами, идолопоклонниками*, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ-то сердечнымъ умиленіемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло, и слегка укоряетъ за преступленія. Приспращіе къ Нѣмцамъ опчасши извинительно; но выхваляя Поляковъ и безъ пощады порицая Россіянъ, Авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему нельзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ и злополучія Россіи были Поляки, ибо самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства.... Впрочемъ потомство судитъ по фактамъ, и не вѣритъ укоризнамъ, неподкрѣпленнымъ доказательствами: факты же Беръ рассказываетъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться сужденіемъ, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Руководствуясь сею мыслию, я смѣло передавалъ всѣ укоризны, коими осыпаетъ насъ Беръ, даже самыя несправедливыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ семъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету. *Переводъ.*

съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристовъ, поганныхъ Поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь Христіанская перестанетъ литься“ (3).

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ весьма ради и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся; но что нельзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Въспѣ съ симъ отвѣтомъ разослали тайно граматы, въ коихъ совѣщали своимъ единоземцамъ: признать Царемъ Королевскаго сына, чѣобы внутренніе раздоры прекратились, и города воевать между собою перестали; но въ то же время убѣждали исподоволь испреблять Поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи помѣстья, или просто въ ней жившихъ: такимъ образомъ, писали Москвитяне, Государство незамѣтно очистилося отъ сихъ невѣрныхъ. Мы же, съ своей стороны, довольно имѣемъ силы побить при случаѣ всѣхъ Поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни лапъ, ни шлемовъ (4).

(3) По извѣстію Пепрея, это письмо было прислано жителями Калуги. См. его Muszkowitische Chronica стр. 22.

(4) Въ Январѣ 1611 года, граждане Московскіе дѣйствительно разослали граматы въ разные го-

Слѣдуя сему внушенію, города присягнули Владиславу въ Январѣ 1611 года, и думали оставитъ Поляковъ въ дуракахъ, но Русскіе скоро испытали на себѣ пословицу: „не рои́ яму другому, самъ въ нее попадешь.“

25 Января Московскіе обыватели жаловались Намѣстнику Владислава, Гонсѣвскому, что Поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ Русскаго Богослуженія, ругаются надъ святыми иконами, даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей; что Россіянамъ и въ домахъ нѣтъ безопасности; что казна государственная расхищена и непомѣрные суммы выдаются на содержаніе 6 тысячъ воиновъ, а Царь Владиславъ не является, и что Король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать на опрѣзъ Намѣстнику и всѣмъ его Роммистрамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи Королевича; въ противномъ случаѣ убивались бы сами шуда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. „Для такой

рода Русскіе, только не въ такомъ смыслѣ, какъ рассказываетъ Беръ: они убѣждали единоземцевъ крѣпко стоять за Вѣру и Отечество. (См. Собр. Госуд. Грам. ч. II стр. 495.

невѣспы, говорили Москвитяне, какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха.“

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ сію жалобу, и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ Намѣстникъ, Его Величество такъ озабочено разными дѣлами въ своемъ Государствѣ, что не имѣетъ ни какого средства ввезти въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; при томъ же Король хочетъ непременно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ Польской коронѣ (5), чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ ономъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ Гонсѣвскій обещалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Россіянами Государя, и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые стануть нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пльнымъ Польскимъ дворяниномъ, выспрѣлившимся въ Образъ Богомашери, согла-

(5) Всякому извѣстно, что Смоленскъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Русскихъ, и что Поляки не имѣли ни какого права на владѣніе онымъ.

шался забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть: его вывели за городъ и сожгли. При семъ случаѣ Панъ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ Царь Владиславъ, что Москвитяне должны молиться о здравіи Его Величества, что Государь повелѣлъ спрожайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своевольство, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнъ виновнаго дворянина служить яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но Поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство (6), не дремали: разсѣяли при всѣхъ ворохахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Русскимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, прѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ оныхъ оружія. Если же Москвитяне изъясляли досаду, Поляки говорили имъ: „Оспорожность

(6) Вообще Мартинъ Беръ весьма не жаловалъ Русскихъ, и обвинялъ ихъ въ такихъ дѣлахъ, которыми они заслужили удивленіе потомства. Такъ и здѣсь онъ упрекаетъ нашихъ предковъ въ вѣроломствѣ, между тѣмъ, какъ они, проникая замыслы Поляковъ, брали мѣры къ своей безопасности.

не мѣшаетъ: насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурнаго; вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ съ вами ссориться — этого требуетъ Государь нашъ. Только вы будьте спокойны.“ Не смотря на сіи убѣжденія, Москвитяне весьма негодовали на Поляковъ: „Уже и теперь, говорили они, нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберется побольше сихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотѣли быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ. Мы выбрали Царемъ Поляка, только не для того, чтобы каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака, Король, не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться во своихъ — не хотимъ Владислава. А эти глаголи пусть добромъ отсюда уберутся, не то переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь 700 тысячъ: если на что рѣшимся, стоимъ за себя.“

Злоба народная безпрестанно увеличивалась; Москвитяне насмѣхались надъ спражею Гонсѣвскаго, и нерѣдко поносили Поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками: „Эй пучки!“ кричали насмѣшники: „долго ли вамъ здѣсь пировать? видно придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, ко-

гда не хотише добромъ оставить нашего города.“ За все, что ни покупали Поляки, должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ, или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные Поляки, видя всеобщую ненависть, спарались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. „Смѣйшесь, какъ хотише,“ говорили они Русскимъ: „для насъ все равно; не мы будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ расклевываться“ — и уходили домой осмѣянные.

13 Февраля Польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ (7) купить овса на рынкѣ за Московскою дорогою. Одинъ изъ Поляковъ, замѣтивъ, сколько за оный платили Русскіе, приказалъ опмѣрить нѣсколько бочекъ (8), и хотѣлъ заплачивать за нихъ по одному флорину, также какъ платили другіе. Московскій поргашъ, недовольный сей платою, претовалъ съ него за каждую бочку по 2 фло-

(7) Въ подминникѣ Rogalaken, ш. е. пахолки. Такъ называлась въ Польскомъ войскѣ лагерная челядь.

(8) Кадь, бочка, или оковъ, содержала въ себѣ 4 четверти; до 1601 года продавали у насъ хлѣбъ единственно бочками, четвертями и осьминами; а съ сего времени безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру, *четверикъ*. См. Карамз. Истор. Госуд. Росс. Томъ III прим. 8.

рина. „Эй ты, к..... с..... Москаль...., закричалъ слуга, какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному Царю служимъ?“—„Если не хочешь дать за бочку по два флорина, возразилъ Москвитянинъ, возьми свои деньги, и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!“ Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человекъ 40 или 50 вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что Польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, и преслѣдуемые Москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что шрое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе Русскихъ. Тутъ 12 Польскихъ воиновъ ударили на многія сотни Москвитянъ, убили человекъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстія и Бѣлаго города,—со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, недовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе Намѣстника отвратило сіе бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа, и сказалъ :

„Москвитяне! вы считаете себя наилучшими Христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови, и помышляете о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть Его десницы. Умеривши не одного изъ собственныхъ Царей, вы избрали наконецъ Государемъ нашего Королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности, уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывая, что Богъ избралъ ихъ своими Намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая Царемъ своего законнаго Государя; а насъ — его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему же приглашенію, предаете смерти. Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? — Не повинуюсь Царю, вы раздражаете Бога, который любитъ и любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно шести тысячамъ трудно устоять противъ семи сотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстію людей онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же Государю, которому и вы присягнули? Если же вы

хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы стоимъ за правое дѣло.“

„Полно врать!“ закричали изъ толпы: „безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками.“

„Нѣтъ, братья,“ продолжалъ Намѣстникъ: „колпаками и съ дѣвками не управитесь, и онѣ васъ упомнятъ. Чего же не сдѣлаютъ 6,000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте смиренны и спокойны!“

„Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!“ сказали Москвитяне.

„Этого не позволеть намъ присяга,“ возразилъ Намѣстникъ: „Государь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда.“

„Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!“ — воскликнулъ народъ.

„Эпо зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не сумѣете кончить ее — тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ. Я довольно вразумлялъ васъ: повторяю, будьте покойны, а не то, вы пропади: съ нами Богъ!“

Сказавъ сіе, Намѣстникъ возвратился въ замокъ, а Москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а Королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что Король не опускаетъ своего сына изъ опасенія вѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ. Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда Польскій военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. „Пусть пребудетъ платы отъ своего Царя!“ говорилъ народъ. Болѣе всего Москвитяне злились на своихъ вельможъ, Михайла Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андропова, Ивана Грамашина, и требовали выдачи сихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ Царство Королевичу Владиславу. Около 3000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ оный; но едва Начальникъ Нѣмецкой дружины, Борковскій, ударилъ тревогу, и Нѣмцы бросились къ ружью — Москвитяне съѣхавшіе удалились. Спража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; однако жъ Капитанъ удержалъ ее, сказавъ: „Пусть ихъ ругаются; собака воетъ, а вѣтеръ носитъ. Но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.“ Въ четверть часа, не видно было ни одного Русскаго.

Но Полки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ волненіе народа, Полко-

водцы ихъ опмѣнили торжественный выходъ въ Вербное Воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣйшимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ этотъ день выходящъ къ народу Царь, и отъ дворца своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ Патріархъ: шествіе открываетъ Кларъ, воспѣвая Осанну съ приличными обрядами. За нимъ слѣдуютъ болѣе 20 Боярскихъ Дѣтей въ красномъ плащѣ, и разстилаютъ оное по дорогѣ, гдѣ Царь ведетъ Патріаршаго осла. Какъ скоро пройдетъ Патріархъ, они подбираютъ свою одежду, и забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ ее до самой церкви. За Первосвященникомъ везутъ на саняхъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ при или чепыре опрока, и поютъ священные гимны. Шествіе заключаютъ Князья, Бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа, при чемъ такая бываетъ тѣсноста, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотѣли оспашься живыми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи Намѣстника праздновать столь великій день, изъяснила сильный ропотъ, и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ

сперпѣть такое насиліе: волю народную надлежало исполнить. Узду ослапи держалъ, вмѣсто Царя, знавшійшій изъ Московскихъ вельможъ, Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и Поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли пишину столицы.

Между тѣмъ дали знать Намѣстнику, что Москвитяне, подспрекаемые Патріархомъ, опложили мятежъ до Спѣрастной недѣли, и что всѣ Бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минушу возмущенія разставить по улицамъ, и лишитъ Поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о семъ, Намѣстникъ и Борковскій отдали приказъ, чтобы ни одинъ Нѣмецъ, ни Полякъ, послѣ смертною казнію, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

На другой день послѣ праздника всѣ Поляки спѣшили убрасться въ крѣпость. Москвитяне, замѣтивъ сіе, догадались, что ихъ замыселъ обнаружился, и въ ту же ночь собрали совѣтъ, гдѣ разсуждали, какимъ образомъ воспрепятствовать соединенію враговъ; наконецъ рѣшились: во Вторникъ, ш. е. 19 Марта, заняли улицы въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, и побили многихъ Поляковъ, вѣхавшихъ въ замокъ.

Намѣстникъ немедленно выслалъ на по-

мощь своимъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копейщиковъ: Москвитяне ударили въ нихъ смѣло, и если бы не подоспѣлъ Нѣмецкій полкъ, состоявшій изъ 800 воиновъ, всѣ Польскіе всадники, числомъ 5000, остались бы на мѣстѣ: уже Москвитяне стали одолевать Поляковъ, смѣло напирали на нихъ, и, удивляясь собственному успѣху, испускали радостные крики — при громѣ набатовъ: въ сію минушу Главный Капитанъ Нѣмецкой дружины, Яковъ Маржеретъ, (9) выслалъ изъ замка при роты мушкетеровъ къ Лавскому мосту въ Никитскую улицу, пересѣкаемую многими переулками, гдѣ укрѣпились мятежники и поражали Поляковъ. Воины Маржеретовы, овладѣвъ внѣшнимъ укрѣпленіемъ, напали внезапно на поклонниковъ Николая (10), и побили ихъ какъ градомъ; сѣча была ужасная! Болѣе ча-

(9) Тотъ самый Маржеретъ, коего сочиненіе въ Русскомъ переводѣ издано мною въ прошедшемъ году подъ заглавіемъ: *Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ началѣ XVII вѣка*.

(10) Переводчикъ рѣшился удержавъ сіе бессмысленное выраженіе, чтобы доставить читателю полную возможность судить о духѣ, въ которомъ писалъ Маршинъ Беръ. Не забудемъ, что онъ былъ иновѣрецъ, и что въ его время удивительный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы.

су раздавался крикъ Москвитянъ, звонъ безчисленныхъ колоколовъ, грохотъ мушкетовъ, ревъ бури. Спрашно было смотрѣть! Мушкетеры, пробившись по разнымъ улицамъ въ толпу враговъ, разогнали ее, и преслѣдуя бѣгущихъ, били ихъ какъ собакъ.

Когда прекратилась пальба, Нѣмцы и Поляки, оставшіеся въ крѣпости, начали горевать объ участи своихъ товарищей, и думая, что всѣ они погибли, заливались слезами: опечаленіе ими овладѣло; въ то самое время возвращающіяся мушкетеры, имѣя, подобно мясникамъ, окровавленные мечи и рубахи: безъ ужаса нельзя было смотрѣть на нихъ! Москвитянъ пало множество; Нѣмцевъ только 8 человекъ. Между тѣмъ снова закипѣла битва на Спрѣшенкѣ, гдѣ Москвитяне также укрѣпились; набаты гудѣли безъ умолка. Мушкетеры и здѣсь явили свою храбрость: при помощи небесъ, они побили въ два часа множество Москвитянъ.

Пораженные на Спрѣшенкѣ, мясешники собрались на Покровкѣ: мушкетеры уже упомянуты о дальнихъ переходахъ съ тяжелыми мушкетами, о непрестанной пальбѣ и сѣчи: посему Борковскій подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими отрядами конныхъ копейщиковъ, и въ то же время велѣлъ зажечь всѣ дома около того мѣста, гдѣ Москвитяне, за-

градивъ улицу, упорно сопротивлялись: въ четверть часа пламя объяло всю Москву отъ Арбата до Кулишки. Для насъ эпизодъ пожаръ былъ весьма выгоденъ: Москвитяне, не успѣвая и сражаться и гасить огонь, вышли изъ своихъ жилищъ, и обратились въ бѣгство вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Тогда-то сбылась древняя пословица: *Naes mea sunt, veteres migrate coloni.*

Весь Кипай-городъ обратился въ пепелъ, и многія сотни людей погибли отъ меча и пламени: улицы были завалены мертвою тѣлами такъ, что невозможно было пройти. Побѣдители нашли въ купеческихъ лавкахъ несмѣшную добычу, въ вещахъ золотыхъ, шелковыхъ товарахъ и пряныхъ кореньяхъ.

(Окончаніе впереди.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО
ГРАФА ПАСКЕВИЧА-ЭРИВАНСКАГО.

Гнѣздо предательства, измѣны,
Онъ въ основанъ разгромилъ;

Что въ духъ Русскихъ нѣтъ премѣны,
Варшавскимъ шпурмомъ подливердилъ!

Д. Рунинъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
6-го Сеншября 1831.

2.

НА ПОВѢДЫ КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО.

Отъ Эривана до Варшавы
Побѣдъ пивоихъ промчался слухъ,
И что попомки Росской славы,
Съ тобой, явили предковъ духъ!
Не лавры ихъ, сей слухъ докажешь,
Побѣды, храбросшь, ихъ удѣлъ:
И шпурмъ Варшавскій лишь покажешь,
Что мужеству ихъ — смерть предѣлъ.

Д. Рунинъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
13-го Сеншября 1831.

3.

НА ПОВѢДЫ РУССКИХЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Возмнилъ Ляхъ буйный, вѣроломный,
Изъ мной Россовъ устращилъ:

Скрывая въ сердцѣ духъ къ нимъ злобный,
 Мечпалъ, ихъ кровью мечъ осприпъ.
 Но кто сражалъ сыновъ Беллоны?
 Кто Россовъ удержалъ полемъ!
 Чшо нѣтъ ихъ мужеству препоны,
 Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.
 И въ полѣ, и въ окопахъ, равныхъ
 Себѣ не встрѣшилъ храбрый Россъ!
 Съ временъ непамятныхъ и давнихъ,
 Среди побѣдъ, гигантъ возросъ.
 Когда сыны героевъ — Славы,
 Кѣмъ, гдѣ они побѣждены?
 Основы Росскія Державы
 Мечами ихъ ушверждены.
 И ежели ихъ силы рашны
 Могла судьба ошановить,
 Умѣли груди ихъ булашны
 Гранишны спѣны проломить.
 И Селу и Дунай смирили,
 И Альпы и Кавказъ прешли;
 Являлись гдѣ, — все покорили,
 И въ храмъ безсмертія вошли.

Д. Рунинъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

13-го Сентября 1831.

4.

ПѢВЦУ ПОЛУНОЧИ.

Туча пмишъ небеса;
 Взоръ шуманишъ слеза;
 Набѣжишъ въперокъ —
 Тучи скоро пройдушъ;
 Вѣчно ль слезы текушъ?
 Вѣчно ль насуренъ рокъ?

„Но полуночный край,
 Не Авзоніи рай!
 Лѣпомъ розы памъ нѣшъ;
 Гдѣ мятели, снѣга
 Попопили луга —
 Тамъ печаленъ Поэтъ!“

Ахъ, послушай меня:
 Былъ въ Авзоніи я,
 Гдѣ поюшъ соловьи,
 Розы долго цвѣтушъ —
 Есть печали свои,
 Также слезы текушъ.

Что природы краса,
 Что лазурь - небеса
 Если сердце болишъ? —
 И Авзоніи край

Не веселый есть рай —
Онъ печаль не цѣлишь.

Л. Якубовичъ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Овозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ Монитерѣ, 5-го Сентября н. ст., напечатано: „Сѣверная Армія, вступившая въ Бельгію для защиты независимости и нейтралитета сей земли, признанныхъ и утвержденныхъ великими державами, возвращается во Францію. По просьбѣ Короля Леопольда, въ его распоряженіи временно остается въ Бельгій дивизія, подъ командою Генерала Барруа, въ коей считается около 12,000 человекъ. Главная квартира Маршала Жерара и Герцога Орлеанскаго будетъ переведена въ Мобежъ, и предъ симъ городомъ учредится лагерь.“

Въ Journal du Commerce увѣряютъ, что двѣ сильныя дивизіи Сѣверной Арміи останоятся близъ Бельгійской границы, а именно: пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Жанена, близъ Живе, и кавалерійская дивизія,

подъ командою Генералъ-Лейтенанта Лаллемана, близь Мезьера.

Въ Gazette de France сказано, что и послѣднія 12,000 войскъ, копорыя Король Леопольдъ желалъ оставить для своей безопасности, будутъ выведены изъ Бельгiи, которая предоспадена будетъ своимъ собственнымъ силамъ.

Въ слѣдствiе утвержденного Королемъ доклада, Министръ Народнаго Просвѣщенiя назначилъ Членовъ Коммиссiи, которой поручено разсмотрѣть замѣчательнѣйшiя Французскiя и иностранныя сочиненiя для первоначальнаго обученiя. Предсѣдателемъ Коммиссiи назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта Баронъ Дежерандо; Членами: Г-да Жомаръ, Жюссѣ, Эшъеннъ сынъ, Вальи, Лоренъ, Бюрнуфъ, Леба и пр.

Г-нъ Каминадъ подавъ въ Палату Депутовъ предложенiе объ установленiи налога за содержанiе слугъ, экипажей, охотничьихъ собакъ и другихъ предметовъ роскоши.

По письмамъ изъ Тулона отъ 2-го числа, тамъ вновь снаряжается экспедицiя, коей назначенiе еще неизвѣстно. Линiйныя корабли остающiяся вооруженными; приказано поспѣшить вооруженiемъ кораблей Трезубца и Алжира. Флагъ Компръ-Адмирала Гюгона будетъ на одномъ изъ стоящихъ въ гавани линiйныхъ кораблей, а пошомъ на Трезубцѣ.

Изъ Сомюра пишутъ отъ 5-го числа, что многiе начальники шакъ въ Вандѣ покорились. Сорпанъ явился 3-го числа въ Шолле, чтобы воспользоваться съ своею шайкою обѣщаннымъ про-

щеніемъ ; когда оное было ему подтверждено, онъ сдался съ 50 человекѣми. 30-го Августа, 9 шуановъ въ Мосевріе, и 1-го Сентября, 4 человекѣ въ Шемилле, положили оружіе. Начальникъ шайки Делоне и сынъ его, какъ говорятъ, намѣрены послѣдовать сему примѣру, такъ, что надѣются избѣжать междоусобной войны въ Вандеѣ.

Въ *Message des Chambres* сказано слѣдующее о безпорядкахъ, происходившихъ нѣсколько дней въ улицѣ Cadran : „На шалевоѣ фабрикѣ, находящейся въ сей улицѣ, приведены въ ходъ двѣ машины, за недѣлю привезенныя изъ Ліона ; онѣ употребляются для сприжки шалей, и въ день исправляютъ дѣло пяти или шести работниковъ : но заработная плата не была уменьшена , какъ то разгласили сіи послѣднія. Вечеромъ 6-го числа взято въ упомянутой улицѣ 17 человекъ ; хотя они были тамъ только изъ любопытства, но оказывали сопротивленіе войску, вмѣсто того, чтобы разошлись спокойно. Въ толпѣ замѣтили одну женщину, въ которой подозрѣвали переодѣшаго мужчину; ее преслѣдовали, но не могли захватить. На другой день, 7-го числа, вечеромъ также замѣчено было въ улицѣ и въ окрестностяхъ большое волненіе. Въ домѣ, гдѣ находились машины, поставлена была стража. И 8-го числа, съ 6 часовъ утра до поздняго вечера, собирались толпы въ улицахъ Cadran и Монторгейль, но безпорядковъ ни какихъ не произошло. Въ 2 часа особенно собралось столько народу, что въ улицахъ Монмартрѣ, Монторгейль и во всей окрестности въ одно мгновеніе заперли лавки ; многіе купцы были оскорблены чернью. Въ 3 ча-

са въ разныхъ частяхъ города били сборъ; національная гвардія немедленно собралась, и многочисленные отряды оной, пѣшіе и конные, также нѣсколько эскадроновъ егерей и муниципальной гвардіи, разъѣзжали по улицамъ, чтобы разгонять толпы. Предъ каждою колонной ѣхалъ полицейскій Коммиссаръ, во исполненіе закона. Такъ какъ приглашенія ихъ разошлись, во многихъ мѣстахъ остались бесполезны, то въ 4 часа въ улицахъ Пуассоньеръ и Пепи-Карро къ бульвару надобно было сдѣлать апшаку. Но въ скоромъ времени на томъ же мѣстѣ составились новыя толпы. Около 6 часовъ вечера явился Г. К. Перрье верхомъ, въ мундирѣ, и съ нимъ Маршалъ Графъ Лобау и нѣсколько другихъ офицеровъ, съ отрядомъ конной народной гвардіи и егерей. Когда смерклось, многія улицы были запершы и сообщенія прерваны; взято нѣсколько человѣкъ. Въ 9 часовъ толпа большею частію разошлась, и въ 10 часовъ уже было совершенно спокойно. Въ сей день и въ предыдущіе нѣсколько военныхъ и народныхъ гвардейцевъ ушибены камнями. Въ Газетѣ Temps обвиняють въ сихъ безпокойствахъ великое число людей, которые думаютъ имѣть право на денежное требованіе изъ суммы, собранной національною подпискою, и которые недовольны раздачею сей суммы.“

А н г л і я.

Лондонъ, 9-го Сент. н. ст. Коронованіе Ихъ Величествъ Короля и Королевы совершено 8-го числа. Въ 5 часовъ ухра пушечные выстрѣлы возвѣстили о наступающемъ торжествѣ, и толпы

народа начали спекашья въ Веспминстерское Аббатство. Около 11 часовъ пушечные выстрѣлы возвѣстили, что началось шествіе изъ дворца. Король съ Королевою ѣхали въ парадной каретѣ цугомъ, а предъ ними десять каретъ съ придворными чинами. По прибытіи Ихъ Вел. къ Аббатству, началось настоящее шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: Деканъ Веспминстерскій, прислуга Короля, Хранишель Государственной печати, Президентъ Совѣта Министровъ, Лордъ Канцлеръ Ирландіи, Лордъ Великій Канцлеръ, Архіепископъ Кантербурійскій, всѣ въ сопровожденіи своихъ пажей; потомъ слѣдовали Герцогини Кембриджская, Кумберландская и Глосстерская, въ богатыхъ одеждахъ и съ многочисленною свитою; чины Двора, Королева, Герцоги Глосстерскій и Кумберландскій, и наконецъ Король; предъ нимъ шли Великій Констабль Ирландіи и Шотландіи, Герцогъ Лейнстеръ, Графъ Эрроль, Маршалъ Англіи, Графъ Грей съ государственнымъ мечемъ, Герцогъ Веллингтонъ, въ качествѣ Великаго Констабля Англіи, съ Фельдмаршальскимъ жезломъ, Герцогъ Ричмондъ со скипетромъ, Герцогъ Гамильтонъ съ короною, Герцогъ Соммерсетъ съ державою, Епископъ Карлильскій съ чашею, Епископъ Чичестерскій съ Библіею, и Епископъ Рочестерскій съ сосудомъ. За Королемъ слѣдовала блистательная свита. Обрядъ коронованія совершенъ съ подобающимъ великолѣпіемъ, и пушечные выстрѣлы возвѣстили ту минушу, когда Архіепископъ Кантербурійскій возложилъ на главу Короля корону Эдуарда Святаго. Въ 3-мъ часу Король и Королева прежнимъ порядкомъ возвратились во

дворецъ. Вечеромъ городъ былъ великолепно иллюминированъ, и во всѣ театры входъ былъ открытъ безденежно.

Лондонская публика съ изумленіемъ замѣтила, что Герцогиня Кентская съ дочерью своею, Принцессою Викторіею, ближайшею наслѣдницею престола, не присутствовала при коронаціи.

Въ засѣданіи Верхней Палаты 6-го Сентября, Герцогъ Суссекскій подалъ прошеніе оспъ большаго числа почтенныхъ людей, которые ошчаспи предсѣдательствовали въ Судахъ Присяжныхъ, и всѣ сами бывали Присяжными: они просятъ объ ошмѣнѣ смершной казни въ разныхъ случаяхъ и вообще объ измѣненіи Уголовнаго Уложенія. При подачѣ сего прошенія, Герцогъ говорилъ весьма убѣдительно: обратилъ вниманіе на значительность просишелей, которые обладаютъ имуществомъ на 10 мил. ф. сп., и часто бывали принуждены освобождать оспъ наказанія преступника, котораго признавали виновнымъ, попому только, что по совѣсти не могли изречь прошивъ него смершной казни. Лордъ Канцлеръ согласился со мнѣніемъ Герцога Суссекскаго о непомѣрности смершной казни во многихъ случаяхъ, и о томъ, что несправедливо назначать одно и то же наказаніе за преступленія чрезвычайно разнородныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ осуждалъ Присяжныхъ, поступающихъ прошивъ присяги своей, единственно по причинѣ излишней строгости закона, ибо долгъ ихъ только объявить, виновенъ или нѣтъ подсудимый.

Били о преобразованіи Парламенша окон-

чашельно разсмотрѣнъ, 7-го числа, въ Комитетъ Нижней Палаты; при громогласныхъ знакахъ одобренія рѣшено внести оный вновь въ Палату со всѣми сдѣланными въ ономъ измѣненіями. Пренія о третьемъ чтеніи билля назначены 13-го числа.

Т у р ц и я.

Въ Аугсбургской Газетѣ напечатано слѣдующее письмо изъ Константинополя отъ 10-го Августа: „Въ прежнемъ письмѣ моемъ упоминалъ я о томъ, что начатое преобразование управленія и нравовъ оспанавливается, и что возвращаются къ прежнимъ обычаямъ, тѣсно соединеннымъ съ образомъ Правленія и съ духомъ народа. Скоро увидимъ мы Поршу на той же почкѣ, какъ за восемь лѣтъ предъ симъ, когда Султанъ съ опасностію жизни началъ спарашся о распространеніи образованности, которой однако же не видно и слѣдовъ. Онъ могъ бы надѣяшся сего тогда только, когда бы власъ свою, ограниченную Янычарами и Улемами, распространилъ образованіемъ войска и защитилъ оную отъ препяшствій, которыя оба класса сіи, привилегированные законами, проповопоставляютъ всѣмъ предначертаніямъ Правительсва, опасаясь ограниченія своихъ личныхъ выгодъ и преимуществъ. Султану удалось уничтожить Янычаръ. Но несчастная война съ Россією, потеря Греціи и нѣсколькихъ областей въ Азіи, возбудили въ народѣ древній духъ мятежа. Турки увѣрены, что Государство непременно погибнетъ, если законы Корана будутъ поправы и будутъ продолжатъ вводить новости, и что

пора возвратишься къ прежнимъ началамъ Правленія. — Пожаръ Перы нанесъ послѣдній ударъ Европейской торговлѣ съ Левантомъ, ибо потеря, понесенная Французскими, Англійскими и Испанскими купцами, несмѣтна; но кто былъ очевидцемъ сего пожара, тотъ имѣлъ случай удостовѣриться въ мысляхъ народа. Съ злобною радостію любовались Мусульмане ужаснымъ зрѣлищемъ пожара, и съ шоржесствомъ насмѣхались надъ несчастными, лишившимися всего имущества. Нѣтъ почти сомнѣнія, что пожаръ произошелъ отъ злонамѣренности, и должно опасаться новыхъ поджоговъ, если Султанъ не оставитъ преобразованія. Кромѣ того общее мнѣніе пребудетъ у него обратнаго завоеванія Греціи.“

Р а з н ы я и з вѣ с т і я .

Испаніецъ Каррара, въ жилищѣ коего найдены въ Нью-Йоркѣ, 28-го Іюля, брилліанты Ея Императорскаго Высочества Принцессы Оранской, и который спасся бѣгствомъ, 30-го Іюля пойманъ въ Броклинѣ, и привезенъ въ Нью-Йоркъ. Кажется, что одинъ Французъ, прибывшій съ нимъ въ Америку, открылъ его оплошенія; онъ же, какъ говорятъ, помогъ ему провести брилліанты тайно изъ Брюсселя во Францію. Онъ уведомилъ Адвоката Голландскаго Консула о мѣстѣ, гдѣ оныя были спрячаны, вѣроятно для того, чтобы получить обѣщанное награжденіе. Въ то же время далъ онъ о томъ знать и сборщику подашей въ портѣ, полагая, что будетъ имѣть право на половину контрабанды, какъ доносчикъ. Каррара, ни сколько не подозревая его, продол-

жалъ съ нимъ связь, но Французъ же увѣдомилъ попомъ о его побѣгѣ, и указалъ слѣды его. Каррару схватили недалеко отъ берега, гдѣ ожидала его лодка. Говорятъ, что въ жилищѣ его, въ Нью-Йоркѣ, нашли 85,000 доллеровъ. Голландскій Консулъ обѣщалъ ему свободу и безопасное пребываніе гдѣ нибудь въ Европѣ, если онъ назоветъ своихъ сообщниковъ и скажетъ, что сдѣлалось съ прочими драгоценностями. Въ одной Американской Газетѣ замѣчаютъ, что по дѣлу сему возникнетъ особаго рода вопросъ: брилліанты, какъ тайно провезенный шоваръ, должны бытъ конфискованы въ пользу таможи, между тѣмъ, какъ они краденые и будутъ потребованы хозяевами.

По извѣстіямъ изъ Наполи ди Романіи отъ $\frac{14}{2}$ Августа, Графъ Віаро Каподистрія отказался отъ должности Военнаго Министра, а Г. Жинаша отъ званія Министра Юстиціи. Сказываютъ, что Президентъ намѣренъ созвать Народное Собраніе въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Говорятъ также, что онъ опшесся къ Резидентамъ прехъ Державъ съ просьбою объ окончательномъ рѣшеніи дѣлъ Греціи къ тому времени. Австрійскіе Консулы были въ Наполи, Сиру и Папрасѣ. — Правительство Греческое ожидало Австрійскаго Резидента.

По газетамъ Англійскихъ Анпильскихъ оспрововъ, отъ $\frac{30}{18}$ Юля, Паэсъ и Генераль Монагасъ помирились, и всѣ Коломбійскія провинціи готовились вступитъ въ общій союзъ между собою, подъ начальствомъ Президента, Генерала Паэса.

На кораблѣ Амфипришѣ, вышедшемъ изъ Ріо-Жанейро $\frac{20}{8}$ Юля, привезено извѣстіе, что въ

семь городъ происходили великія безпокойства. Часть гарнизона возстала противъ новаго Правительствѣ, и произвела разныя неистовства. Болѣе 10,000 Португальцевъ спаслись бѣгствомъ во внутренность земли или на корабли.

Въ Лиссабонѣ вспыхнуло 21-го Августа н. ст. возмущеніе противъ Дона Мигуэля, которое однако же немедленно было потушено. При семъ возмущеніи около 400 человекъ лишились жизни.

19-го Сентября.

Конецъ двадцать второй части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(СЫНА ОТЕЧЕСТВА Части 144-й, СЪВЕРНАГО АРХИВА 58-й).

Стран.

I. Изящная Словесность.

3. Выборъ невѣсмы. Повѣсть Гофмана
(оконч.) 3
2. Лейтенантъ Бѣлозоръ. Повѣсть.
65, 129, 199, 257 и 321

II. Новая Исторія.

1. Изображеніе характера и содержанія
Исторіи прехъ послѣднихъ столѣ-
тій 16, 80, 146 и 291

III. Россійская Исторія.

1. О состояніи Россіи предъ нашествіемъ
Монголовъ (опрывокъ) 34 и 100
2. Разрушеніе Москвы Поляками въ 1612
году (опрывокъ) 353

IV. Біографія.

- Некрологія Инженеръ-Генерала, Графа
Карла Ивановича Оппермана 164, 207 и 272

V. Критика.

1. Нѣсколько словъ о переводѣ книгъ . 46
2. Мершвыи осель и обезглавленная жен-
щина 227

VI. Политическая Экономія.

- | | |
|---|-----|
| 1. Письмо къ Издаателямъ | 280 |
| 2. О непроездибельномъ классѣ, въ
Политической Экономіи и Политикѣ | 335 |

VII. Стихотворенія.

- | | |
|---|-----|
| 1. Смерть моего отца | 244 |
| 2. Каюшъ-компанія | 245 |
| 3. Къ портрету Князя Варшавскаго
Графа Паскевича-Эриванскаго . . . | 369 |
| 4. На победы Князя Варшавскаго . . | 370 |
| 5. На победы Русскихъ въ Польшѣ . . | — |
| 6. Пѣвцу полуночи | 372 |

VIII. Современная Политика.

- Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій 51, 113,
184, 246 301 и 373

